

Часть 1

— Если я правильно помню, Кацураги — это та самая земля, где Каму Нунакава Мими-но-микото [□] Каму Нунакава Мими-но-микото - посмертное имя, которое получил император Суйдзей, легендарный второй по счёту император Японии, правивший, предположительно, с 581 до н. э. по 549 до н. э.; считается прапраправнуком богини Аматэрасу. основал дворец Такаока-но Мия.

Впервые оказавшись в поезде, Когане припал к окну, словно маленький ребёнок, и не сводил глаз с проплывающего пейзажа. Лишь через несколько минут он смог успокоиться и начать говорить.

— К тому же именно здесь располагалось сердце владений клана Кацураги. Впрочем, это ты, конечно же, знаешь и без меня...

— Чего? Впервые слышу, — лениво ответил Ёсихико, трясшийся в пригородном поезде на Нару и прижимавший к коленям любимую сумку, похожую на почтальонскую.

К счастью, в будний день поездом пользовалось не много людей, поэтому не следовало всё время соблюдать осторожность. Остальные пассажиры наслаждались покачиванием вагона и копались в смартфонах.

— Что?! Нынешнее поколение такому не учат? И что у вас вместо этого?!

— Ну как что... эта, как её... ханива [□] Ханива — японские керамические скульптуры периода Кофун — с 250 по 500 гг. н.э.; скульптуры устанавливались могильных курганах, отсюда название периода: «Кофун» означает «старый курган».

Историю Японии Ёсихико учил лишь в школьные годы, больше пяти лет назад. К тому же в последний год обучения он вместо неё сделал выбор в пользу всемирной истории, поэтому мало что помнил.

— Какое дурацкое время. Люди, живущие в стране восходящего солнца, не знают историю своей родины...

— Кстати, Когане, ты ведь бог оммёдо? Оммёдо пришло из Китая, так что же ты так за Японию душой болеешь? — спросил Ёсихико, бросая подозрительный взгляд.

Возможно, он так проникся после долгих лет жизни здесь?

Когане сокрушённо вздохнул и перевёл взгляд золотистых глаз на Ёсихико.

— Оммёдо, синто и так далее — не более чем классификация, которую люди зачем-то придумали. Я изначально был японским богом, люди просто дали мне имя в духе оммёдо. Неважно, отношусь я к синто или оммёдо, это не меняет того, что когда-то страна восходящего солнца почитала меня наравне с другими богами.

— Т-так вот что произошло?..

— Да, именно это. Ведь люди даже меняют порой имена восхваляемых в храмах богов, руководствуясь собственными нуждами или просто своим пониманием божественного, — непринуждённо добавил Когане, а затем посмотрел на Ёсихико с любопытством. — Впрочем, я удивлён, что ты, будучи невеждой в этих вопросах, упомянул слово «оммёдо».

От этих слов Ёсихико горделиво выпятил грудь.

— Потому что даже я умею изучать вопросы.

На самом деле всё, что он делал — проверял по Википедии обрывочные сведения, полученные от Котаро.

Но настроение Когане от этих слов быстро улучшилось, а усы его встрепенулись.

— Земля Кацураги тоже имеет связь с оммёдо. Так же, как и клан Кацураги, на ней процветал клан Камо. Всем прекрасно известно, что клан Камо славился великолепными оммёдзи [□]Оммёдзи — человек, практикующий техники оммёдо., которых выпускал в свет. Более того — это земля, о которой говорят, что она прямо источает божественный дух...

— Мда-а, чувствую, это будет длинный рассказ.

Когане начал рассказывать так, словно его прорвало, и Ёсихико раздражённо пропускал слова мимо ушей. Он не знал ни про какой клан Камо, да и вообще понятия не имел, о какой эпохе идёт речь.

Вздыхнув, он выглянул в окно поезда. Мимо проносился деревенский пейзаж, с полями, полными рисовых стеблей, низко склонившихся под тяжестью урожая.

Наступил октябрь. Дождь никак не мог определиться с тем, идти ему или нет. Вот и сегодня он с самого утра то начинался, то переставал. Даже к 5 часам вечера тучи не ушли. Видимо, это и есть пресловутые осенние дожди. Если бы дождевой фронт соизволил уйти, удалось бы посмотреть на столь же знаменитое ясное осеннее небо.

Для Ёсихико пасмурная погода служила отличным поводом провести свободный от подработки день дома, играя в онлайн-игру в одном окне и изредка поглядывая на проплывающие в Твиттере сообщения в другом. В своё время он зарегистрировался в социальных сетях, которые продолжали тонкой нитью связывать его с университетскими друзьями, но с той самой поры, как Ёсихико уволился из компании, сам он в интернете ничего не писал.

В отличие от этих людей, жаловавшихся на начальство и подшучивающих над своей работой, Ёсихико не о чём сообщать — разве что о том, как он проснулся и поел. Одно за другим проплывали сообщения от довольных жизнью людей, описывавших, на какое кино они ходили и куда идут развлекаться. Но пусть сегодня и воскресенье, для Ёсихико оно ничем не отличалось от вчерашнего или позавчерашнего дня.

— Опя-ять ты дома засел.

В храме Онуси самый разгар сезона — каждые выходные справляют множество свадеб. Вот и сегодня Котаро успешно провёл целых три, а затем зашёл в гости к Ёсихико с пожертвованными храму креветками и окунями.

— А как же работа?

— Выходно-ой.

— Кто-то, значит, изо всех сил молится за счастье других, а ты в инете сидишь? Хорошо тебе.

Будучи другом Ёсихико, Котаро имел право без зазрения совести пожурить его и картинно вздохнуть. Вообще, Котаро мог жить со своей семьёй, но предпочёл переехать поближе к работе и обретался один. Периодически он навещал дом семьи Огихара с гостинцами из подаренной еды, которую никак не мог доест в одиночку. Особенно часто так происходило в дни свадеб, когда еды для церемоний заготавливалось так много, что хватало угостить и друзей.

— Поиски работы не продвигаются?

Котаро ударил по больному месту, и Ёсихико отвёл взгляд.

— Зато продвигается уровень в игре.

— ...Хорошо было бы, если б с ростом здоровья персонажа находилась работа, да?

— Ты и сам в университете много играл!

— Сейчас-то у меня времени нет.

Котаро устало вздохнул и уселся на кровать. На другой стороне постели всё так же сидел Когане, не желавший возвращаться в святилище и, похоже, окончательно поселившийся в комнате Ёсихико.

— Это тот самый гоннеги? — спросил Когане, с интересом разглядывая Котаро.

Одновременно с ним заговорил и Котаро, не замечавший лиса:

— Кстати, ты соцсети сегодня смотрел?

— Так он твой друг, получается?

— Эндо и Кисимото без конца жалуются на офисную жизнь.

— Я заметил его практически сразу, как он заступил на службу.

— П-погоди.

Ёсихико остановил Когане и Котаро, говоривших одновременно. К сожалению, уши Ёсихико не имели таланта воспринимать сразу два потока информации.

— Чего? — спросил Котаро, поворачиваясь к нему.

— Ничего, просто у меня... ухо разболелось, — с улыбкой ответил Ёсихико, бросая негодующий взгляд на Когане.

Если он видит, что происходит, то не мог бы вести себя вежливее?

— С тобой точно всё хорошо? А то звучит так, будто ты уже заболел от лежания дома. Тебе нагрузок не хватает, что ли?

Котаро выбросил ноги вперёд, коротко вздохнул, а затем поднялся с кровати. Ёсихико с трудом удержался от самоуничижительного ответа в духе «рад бы упражняться, да не могу».

— Можно компьютер?

— Пожалуйста.

Перед тем, как передать компьютер Котаро, Ёсихико закрыл лишние вкладки, и с удивлением обнаружил за окном с игрой открытый сайт поиска работы. Он вспомнил, что какое-то время

назад открыл его и полистал для успокоения совести.

— Надо же, ты и правда работу ищешь, — заметил зоркий Котаро, после чего уселся на стул вместо Ёсихико и взялся за мышку.

— Да, он хочет найти работу, но вместо этого лишь смотрит в этот ваш компьютер и что-то бубнит, а потом запускает игру, — сокрушенно вздыхая, заговорил Когане, прекрасно понимавший, что Котаро его не слышит. — Поговорил бы с ним строго, раз уж гоннеги. Сказал бы хоть немного начать волноваться.

— И это говорит лис, который целыми днями лежит пузом кверху на постели, ни о чём не волнуясь, — буркнул в ответ Ёсихико, бросая взгляд на Когане.

Котаро недоуменно обернулся.

— Лис?

— А, нет, ничего, — Ёсихико сразу же замотал головой. Затем он тут же посмотрел на экран и попытался выправить положение: — Искать-то я ищу, да только ничего толкового не попадается...

Разумеется, Ёсихико не собирался до конца своих дней подрабатывать уборщиком. Ему только исполнилось 24 года, он всегда может начать всё заново. Но стоило так подумать, как он вспоминал о больном правом колене и опускал руки. Поскольку он старался держаться подальше от работы непрерывно стоящего кассира и вечно бродящего продавца, доступных профессий оказывалось не так много. Из-за того, что всю жизнь он занимался лишь бейсболом, никаких сертификатов кроме сданного экзамена на знание английского языка третьего уровня у него не имелось, да и в офисных программах он не слишком хорошо разбирался.

— Раз так, хочешь, я тебе чего-нибудь подберу? — Котаро с любопытством разглядывал сайт по поиску работы.

Для этого человека, который из-за своих родственных связей ещё задолго до окончания университета знал, что выберет путь жреца, процесс поиска работы в диковинку. Наверняка объявления о наборе персонала для него редкость.

— Подозреваю, ты собираешься найти мне какую-то работу в храме — сложную и с маленькой зарплатой, да? — спросил Ёсихико, и Котаро зловеще ухмыльнулся.

Чаще всего работа в храме подразумевает лишь один выходной в неделю и никаких отпусков. Ёсихико даже слышал, что в свадебный сезон, детские праздники, на новый год и во время прочих событий, когда работа может свалиться в любой момент, там вообще нет времени на отдых. Говорят, что у людей, посвятивших себя служению богам, часто стирается грань между

работой и личной жизнью.

— А вообще, Ёсихико, какую работу ты хочешь?

— Э? — от очередного вопроса Ёсихико недоуменно моргнул.

— Я понимаю, ты до сих пор не отправился от шока после потери бейсбольной команды, и что твоё колено до сих пор побаливает, но чтобы жить, нужно зарабатывать, так? Сейчас тебе хватает и подработки, но не станешь же ты заниматься этим до 30 или даже 40 лет? Тебе стоит попробовать взяться за что угодно, — продолжил Котаро, глядя в экран, и Ёсихико буркнул в ответ:

— ...Да знаю я.

Он прекрасно осознавал это и без замечаний со стороны других. И, тем не менее, сокрушался, что не может ничего сделать.

— Я знаю, что «стоит попробовать взяться за что угодно», но даже у меня есть вещи, которые я хочу делать, а которые нет.

— И какие же? — Котаро обернулся, а Ёсихико рефлекторно отвёл взгляд.

— Ну, это... я все ещё думаю над этим...

В отличие от Котаро, родившегося в религиозной семье и ещё со старшей школы уверенно готовившегося к тому, чтобы унаследовать семейное дело, Ёсихико не имел даже примерных планов на будущее. Если честно, он не смог бы быстро ответить на вопрос, занимался ли он бейсболом именно потому, что хотел. Возможно, дело лишь в том, что ничего другого у него не получалось.

— Эх ты, вот поэтому у тебя и... — Котаро тяжело вздохнул, а затем вновь повернулся к компьютеру. — Пока будешь так говорить — состаришься, а пока будешь искать себя — себя же и потеряешь. Опомнишься, когда работу из-за возраста уже будет тяжело найти.

Ёсихико не был готов услышать такие слова, и они безжалостно вонзились в его сердце.

— Тебе нужно лучше узнать себя.

Заболело правое колено.

Ёсихико покрепче стиснул зубы и свёл брови.

Он знал Котаро со старшей школы. Можно сказать, из всех знакомых Ёсихико больше всего доверял именно этому человеку и его дальновидности. Именно поэтому даже после ухода из компании и потери связи со всеми другими знакомыми, он продолжал тщательно поддерживать контакт с Котаро и регулярно видеться с ним. Ёсихико был уверен, что они оба знают сильные и слабые стороны друг друга.

Но...

— ...Ни черта, — обронил Ёсихико слова, которые словно сами вытолкнули себя из его горла.

Если бы он мог, то сию же минуту засел бы за поиск работы. Нашёл бы занятие, которым, как и Котаро, хотел бы заниматься искренне. Однако он не может и именно поэтому застрял на месте и не двигается. Именно он больше чем кто-либо думает об этом.

Именно он лишился бейсбола и остался с больным коленом.

Котаро никогда не страдал от того же, от чего и он.

И, хотя Ёсихико понимал, насколько жалко звучит, слова выплеснулись из него, словно горячий ком:

— ...Ни черта ты не понимаешь, Котаро.

— Однако, я несколько удивлён, — пробормотал Когане, покачиваясь вместе с пригородным поездом. — Тем, что ты согласился пойти.

Отвлёкшись от проплывавшего за окном пейзажа, Ёсихико пожал плечами и ответил лису:

— Мне всё равно нечего делать.

Вчера, спустя примерно месяц после того, как имя Когане появилось в молитвеннике, Ёсихико задел своими высказываниями Котаро, и тот ушёл домой. Чтобы развеяться, Ёсихико засел за онлайн-игру, но тут валявшийся на столе молитвенник засветился и открылся, а внутри него появилось новое имя.

«Хитокотонуси-но-оками».

Как Ёсихико понимал, имя, что появляется на бумаге, определяется высшими богами, сотворившими молитвенник. Но даже Когане не знал, руководствуются ли они степенью

нужды названного божества или же собственной прихотью. Тем не менее, появление имени бога в молитвеннике означало, что, по мнению высших богов, ему в сложившихся обстоятельствах необходима помощь лакея, который должен отправиться выслушать заказ.

— Но все же, чтобы лакей, пусть и временный, совсем ничего не знал о богах и храмах, — Когане опечаленно покачал головой. — Будь благодарен за то, что рядом с тобой оказался Хоидзин!

Имя Хитокотонуси-но-оками оказалось Ёсихико незнакомым, и он собирался поискать по компьютеру, куда ему вообще идти, но постоянно отвлекался то на игру, то на видеоролики, так что в итоге Когане не выдержал его лени и вызвался побыть проводником.

— Да-да, спасибо тебе, Когане.

— И не забудь про переделку заказа! Парфе с тёртым чаем меня не устроит!

— Знаю-знаю, — Ёсихико скользнул взглядом по остальным пассажирам, а затем усадил обратно едва не спрыгнувшего Когане. — Как же далеко ехать-то.

Ёсихико посмотрел время по смартфону. 14 часов 20 минут. До станции Госе в префектуре Нара, на которую указал Когане, от ближайшей к дому Ёсихико станции с учётом всех пересадок ехать больше двух часов. Естественно, билет тоже обошёлся в круглую сумму, однако пока он стоял на станции и раздумывал над тем, стоит ли ехать, переполненный чувствами от первой в своей жизни поездке на поезде Когане просочился через турникет, так что Ёсихико пришлось последовать за ним. Мало того, что на работе он зарабатывал немного, но Ёсихико ещё и оплачивал часть домашних расходов, так что для него сумма вышла ощутимой.

— Как же ты слаб, если считаешь, что это далеко. По-хорошему, тебе следовало бы дойти пешком, но я уступил. Будь благодарен.

Когане сокрушённо вздохнул. Будучи богом направлений, он мог без труда узнать как место назначения, так и маршрут до него. Другими словами, он выступал в роли высокопроизводительного лисонавигатора. Правда, поскольку самым скоростным методом передвижения для Когане так и остались лошади, смотреть маршруты поездов и необходимые пересадки пришлось всё же Ёсихико.

— Ты говоришь «уступил», но ведь по правде тебе просто хотелось прокатиться, да?

— Ч-что ты такое говоришь?! Поезда меня не интересуют! — бросил в ответ Когане, складывая уши.

Как Ёсихико уже успел понять, за долгие годы обитания в том святилище Когане многое узнал

о современной культуре, но мало что из неё успел ощутить на своей шкуре. Например, он знал про электрички, но никогда не катался на них. Слова «стиральная машина», «холодильник», «светофор», «автомобиль» ему знакомы, но он никогда не видел соответствующие аппараты вблизи и тем более в деле. Похоже, что под предлогом путешествий вместе с Ёсихико он на самом деле притрагивался к современной культуре и наслаждался этим.

— Везёт тебе. Каждый день что-то новое, — сказал Ёсихико, присматриваясь к лису.

Сегодня утром Когане не оказалось в комнате. Позже Ёсихико нашёл его сидящим перед стиральной машиной и смотрящим на то, как в ней крутится вода.

— Т-ты не так понял! Я хожу с тобой вовсе не потому, что мне это нравится!

— Да-да.

— Что ещё за «да-да»?! Одного «да» достаточно!

— Да-а.

А поезд всё ехал под аккомпанемент их спора.

Часть 2

Хитокотонуси-но-оками — бог, имя которого упоминается в последнем томе «Записок о делах древности» [1] «Записки о делах древности» - основная священная книга синтоистского троекнижия, является сборником древнейших мифов и песен, а также содержит историческую хронику.. По словам Когане, в своё время этот бог поставил на колени даже 21-го императора, Юряку [2] Юряку — 21-й император династии Ямато, правил с 456 по 479 гг. н.э., заслужившего славу ужасного тирана за многочисленные казни. А пристанище Хитокотонуси нашёл у юго-западного подножья горы Яматокацураги.

После того, как им удалось без особых приключений добраться до станции старого дворца, Ёсихико немедленно побежал на автобус, объезжающий всевозможные общественные заведения округа. Судя по карте на смартфоне, от станции до храма весьма далеко, а с учётом того, что он с трудом расстался с деньгами, когда садился на поезд, на такси бы Ёсихико точно не решился. Поэтому ему пришлось поспешить, чтобы не опоздать на автобус, который ходит лишь три раза в день.

— Святилище Хитокотонуси к юго-востоку отсюда. Человек дошёл бы до него минут за 50. Если у тебя нет денег на проезд, мог бы и пройтись, — недовольно заявил Когане, входя в автобус вслед за Ёсихико.

— Будто кому-то понравится идти 50 минут. Да и колено у меня больное.

— Какой же ты хилый. Вряд ли ты осилишь многодневный переход через гору.

— Не соизволит ли застрявший в прошлом лис помолчать?

— Ты смеешь называть бога застрявшим в прошлом лисом?!

— Так ведь ты ещё совсем недавно считал, что не могут поезда двигаться быстрее лошадей.

Пока Ёсихико и Когане спорили, автобус, проезжавший мимо больницы, центра социальной защиты пенсионеров и муниципальной администрации, заполнился практически полностью. Все пассажиры оказались людьми пожилыми, и воздух даже наполнился запахом лекарств. Прозвучал предупреждающий звук, двери закрылись, и автобус неспешно тронулся.

Автобус проехал жилые кварталы, а затем начал подниматься по пологому склону, и у Когане вновь заблестели глаза. Он припал к окну настолько близко, что его чёрный нос едва не касался стекла. Похоже, проплывающий за окном пейзаж приходился лису в диковинку.

По пути автобус сделал ещё несколько остановок, на каждой из которых заходила ещё пара стариков. Все они вели себя так, словно знали даже то, на какое место сядут. Эта умиротворённая сельская картина заставила Ёсихико неожиданно опомниться.

— Боже мой, и чем я только занимаюсь...

Разве может он сейчас заглядываться на будни пенсионеров?

Общество, спокойно принявшее к себе одноклассников Ёсихико, отвергло его, и жизнь день за днём проходила мимо него. В их вчерашней перепалке с Котаро виноват лишь яд, порождённый самим Ёсихико. Лишь результат того, что за год, прошедший с заявления об увольнении, он так и не нашёл в себе сил куда-либо продвинуться.

Ёсихико невольно положил правую ладонь на колено.

Он до сих пор вспоминал слова, брошенные другу, когда тот предложил свои советы. Уж не сказал ли Ёсихико ему, что тот ничего не понимает, потому, что на самом деле пытался защитить себя мыслью о том, что Котаро неправ? С какой стати он наговорил такие слова единственному, без преувеличения, человеку, понимавшему его? Возможно, виновато чувство зависти, возникшее в Ёсихико от того, что его товарищ уверенно продвигался по жизненному пути. Хотя, наверняка вина всё-таки заключена в самом Ёсихико. Сколько бы он ни пытался оправдываться и сетовать на правое колено, но продолжал торчать на дне мерзкого болота и завидовать тем, кто дышит воздухом.

— Какой же я никчёмный... — беззвучно обронил Ёсихико.

Возможно, Котаро беспокоится о Ёсихико не так сильно, как он сам. Но, тем не менее, Ёсихико всё равно страдал из-за того, что дал своим чувствам волю и позволил себе произнести те слова. У него было столько шансов исправить ситуацию, но какая-то необъяснимая гордость встала на его пути, и опоздавшие извинения прозвучали вслед Котаро уже после того, как тот покинул дом. Почему-то привычные и знакомые слова вдруг застряли в горле так крепко, что вызывали удушье.

— Болит? — вдруг донёлся голос откуда-то сбоку, и Ёсихико после небольшой паузы опомнился.

Он повернулся на голос и увидел женщину лет семидесяти, сидевшую возле него и участливо глядевшую на правое колено Ёсихико, на котором лежала его ладонь.

— А, нет, иногда побаливает, но ничего страшного. Руку класть — просто привычка.

Видимо, в какой-то момент он невольно напряг покоившуюся на колене руку. Ёсихико замотал головой, а старушка в ответ улыбнулась.

— Просто у тебя такое напряжённое лицо было, что я подумала, видать, сильно болит. У меня самой недавно колено болело. Хрящ?

— Нет, у меня коленная чашечка.

Ёсихико натянуто улыбнулся. Пусть его недуг и связан с коленом, но это не изношенные старческие хрящи в суставах.

— А-а, точно, ты ведь ещё молодой. Как неудобно-то, я подумала, что ты как я, — старушка повела плечами, достала из сумки леденец со сливовым вкусом и протянула его Ёсихико. — Не обижайся, что я тебя случайно за кого-то своего возраста приняла.

— Да что вы, всё нормально. Я не обиделся.

Но, несмотря на спешный ответ Ёсихико, старушка едва не насильно всучила ему леденец, так что пришлось её поблагодарить. Можно сказать, они с ней товарищи по больным коленям. Может, у их боли разные причины, но если она схожа, то на ошибку обижаться незачем.

— Я всю жизнь такой была. Вроде хоть немного бы подумать, и всё станет ясно, но слова нет-нет да выскочат. Я и с невесткой столько раз ругалась из-за не к месту сказанного, — шутливо оправдалась старушка, и Ёсихико невольно улыбнулся.

— ...Ага, и я помню некоторые слова, которые лучше бы не говорил, — он выглянул за окно, ощущая, как покачивается от автобусной тряски. — Наверное, все допускают такие ошибки...

От таких слов старушка расплылась в улыбке, достала ещё один леденец и положила себе в рот.

— И правда. Пожалуй, каждый человек в своей жизни хоть раз-два, но ошибается. А уж я — столько, что по одной руке не сосчитать, — старушка непринуждённо улыбнулась и продолжила: — И всё же мне нравится разговаривать. От бесед мне словно становится лучше. Может, язык мой — и враг мой, но ведь бывает и такое, что слова придают кому-то сил, не так ли?

Ёсихико бросил ещё один взгляд на свою соседку. У неё коротко стриженные седые волосы, темно-синий кардиган и улыбающееся морщинистое лицо, сразу располагающее к себе.

— Иногда словом можно спасти человека или заставить его осознать нечто важное. Пусть сказанного и не вернуть, но можно попытаться снова, и искренняя речь обязательно достигнет цели. Поэтому молчать и делать страдальческий вид неправильно.

От её слов на лице Ёсихико сама собой появилась улыбка. «Можно попытаться снова, и искренняя речь обязательно достигнет цели». Возможно, это действительно так. И возможно, для него самого эта речь — слова извинений, которые он должен принести Котаро.

— Спасибо, — сказал Ёсихико старушке, развернул обёртку леденца и положил его на язык.

Во рту растёкся умеренный кисло-сладкий сливовый вкус. И почему-то одного его хватило, чтобы Ёсихико стало легче на душе.

— Вкусные, правда? Я их всегда в сумочке держу, иначе на душе беспокойно. Из-за этого я постоянно покупаю их впрок, и на днях мой сынок...

С этих слов начались скучные старушечьи истории. Ёсихико слушал их вполуха, раскачиваясь вместе с автобусом. Он предвидел, что их разговор закончится именно этим, но не считал, что это так уж плохо. Когане, продолжавший смотреть за окно, иногда раздражённо дёргал правым ухом, но Ёсихико твёрдо решил, что не будет обращать на него внимание.

— Так у нас, оказывается, редкий гость? А я уже успела удивиться тому, как переполошились духи горы.

Попрощавшись со старушкой и сойдя с автобуса, они пошли по узенькой улочке Кацураги и уже скоро добрались до каменных торий. После них дорогу вскоре перегородил конный камень[□]Камень, перед которым необходимо спешиться., сообщавший о начале священной территории. За ним началась мощёная тропа, обставленная с обеих сторон фонариками и упиравшаяся в лестницу, которая вела к храму, посвящённому Хитокотонуси.

— Этот прекрасный золотистый облик — собственность Хоидзина из Киото, не так ли? Что привело вас сюда сегодня, да ещё и в компании с человеком?

На территории храма их встретила молодая девушка в одеяниях шафранового цвета. Она отличалась роскошными черными волосами, достигающими почти до самой земли, нежной бледной кожей и мягкой улыбкой. Она выглядела примерно на 20 лет, и она казалась прекрасной настолько, что Ёсихико несколько мгновений не мог отвести от неё глаз. Он даже едва не подивился тому, каких только людей не бывает, но на самом деле вряд ли сегодня можно встретить человека, настолько соответствующего обликом эпохе Хэйан. Совсем недавно мимо прошли несколько прихожан, но в сторону девушки даже не посмотрели. А значит, они её не видят. Выходит, это она — Хитокотонуси?

— Этот человек — временный лакей, получивший молитвенник от всевышних богов. Последним он выполнял мой заказ, но я остался недоволен и поэтому хожу вместе с ним.

Ёсихико бросил кислый взгляд на поднявшего голову Когане. Конечно, Когане следовало поблагодарить за то, что он представил Ёсихико, но для бога он все равно на удивление упёртый.

— «Молитвенник», давненько я не слышала этого слова. Пожалуй, в последний раз я слышала его в эпоху, когда люди только начали ходить без причёсок [□]Возможно, она имеет в виду 10 век — вторую половину эпохи Хэйан, когда японские правители стремились к максимальной независимости от Китая, в том числе в культуре, и это нашло отражение в повседневной моде: в противоположность китайской традиции закалывать волосы и собирать их в пучки, японцы стали ходить с распущенными прядями.. Но эта узда на шее — действительно символ лакея, — проговорила девушка, смотря куда-то вдаль, а затем вновь повернулась к Ёсихико и Когане. — Простите, что ещё не представилась. Я — сородич обитающего здесь Хитокотонуси-но-оками, зовут меня Окё.

— Э? Сородич? — спросил Ёсихико у низко поклонившейся девушки.

К счастью, сегодня, в будний день, посетителей в храме так мало, что даже за прилавком никого нет. Тем не менее, Ёсихико и вправду думал, что перед ним — богиня.

— Да. Я служу ему уже где-то 1200 лет. Настоящая я — там.

С этими словами Окё указала на огромное дерево гинкго, росшее за бамбуковой изгородью. Его ствол опутывали канаты, а само оно напоминало огромную руку, протянутую к небесам. Даже ветви его выглядели толще, чем стволы многих деревьев, растущих на улицах. Со всех сторон его поддерживали крепкие бревна, приставленные, словно стремянки.

— «Настоящая я»?.. — Ёсихико ошеломлённо смотрел на крону огромного дерева.

Если он правильно помнил, такие деревья считаются священными.

— Так ты — дух гинкго? — спросил Когане, щурясь от вида шелестящей зелёной листвы.

Пожалуй, уже через месяц она украсит дерево великолепным осенним золотом.

— Да. Я была никчёмна во всем, но Хитокотонуси наградил меня своим вниманием.

Ёсихико изумлённо смотрел то на Окё, то на святое гинкго — те стояли ровно, словно вытянувшись по струнке. Стоило ему привыкнуть к говорящему лису, как теперь появляется дух дерева? Ёсихико вздохнул, пытаясь успокоиться, а затем вдруг обратил внимание на табличку возле дерева, дававшую краткую справку о возрасте дерева и о гинкго в целом.

— Меня называют Когане. А этот человек — Ёсихико.

— А, да, я Хагивара Ёсихико, — услышав, как его представили, пока он разглядывал табличку, Ёсихико спешно поклонился.

— Мы пришли сюда не просто так. В молитвеннике всплыло имя Хитокотонуси. Как мы понимаем, что-то беспокоит его до такой степени, что высшие боги... — начал Когане, а затем опомнился, запнулся и недовольно посмотрел на Ёсихико. — Почему я должен все это рассказывать?! Молитвенник ведь выбрал тебя, не так ли? Вот ты и объясняй.

— Ты первый начал, а теперь злишься...

— Это потому, что ты такой медленный! Ты вообще понимаешь свои обязанности как лакея?!

Когане постучал лапой по ноге Ёсихико, и тот повернулся к Окё, но продолжать начатое не решался. Возможно, сказывалось воспитание в мужской секции, но говорить с девушкой при первой встрече Ёсихико умел плохо. А поскольку Окё настолько прекрасна, беспокойство становилось ещё сильнее. Возможно, ему было бы проще говорить с ней, останься она деревом.

— Ну-у, в целом он уже всё сказал, так что если вам что-нибудь нужно...

Если бы заказ включал в себя что-то на уровне подметания территории, он бы с радостью за него взялся.

Но его надежды не оправдались, поскольку Окё тут же прикрыла готовое расплакаться лицо рукавом кимоно.

— ...Как же так получилось? Похоже, высшие боги действительно видят всё насквозь...

В воздухе отчётливо запахло чем-то, от чего так просто Ёсихико не отделается.

Ёсихико закрыл глаза, словно надеясь сбежать от реальности. Если подумать, то первый заказ, который поручил ему Когане, состоял в просьбе пробудить в людях уважение к богам и религиозным фестивалям, а для обычного человека вроде Ёсихико это перебор. Неужели сейчас его попросят о чем-то ещё более впечатляющем?

— Не... неужели люди так себя чувствуют, когда умоляют богов?..

Ёсихико ощутил в груди трепет, но подавил его. Пусть сейчас перед ним богиня, но даже такие слова набьют оскомину, если с ним так будут говорить каждый день.

— На самом деле, я себе уже места не нахожу. У меня никоим образом не получается справиться своими силами. Сейчас мне остаётся лишь страдать...

От этих слов Ёсихико тихонько вздохнул. Сможет ли он справиться с проблемой, которую так отчаянно и безуспешно пыталась решить прислуга бога?

Ёсихико рефлексивно протянул руку к Окё, но та оказалась настолько холодной на ощупь, что он невольно вздрогнул.

— Прошу вас, мастер Ёсихико, спасите Хитокотонуси, моего господина!

И в этот самый момент из сумки, висевшей за спиной Ёсихико, полился свет.

— Э? Это что, окончательный вариант просьбы?

Ёсихико обернулся и посмотрел на свою сумку. Когда он принял заказ Когане, молитвенник светился точно таким же светом. Быстро вытащив его из сумки, Когане увидел, что имя Хикотонуси действительно стало чёрным и отчётливым.

— ...И вообще, как это — спасти бога?..

Все ещё пребывая в замешательстве от просьбы, вернее, мольбы Окё, Ёсихико посмотрел на Когане. Разве не у людей монополия спасаться благодаря богам?

— Я так понимаю, у вас какие-то сложные обстоятельства?.. — спросил Когане, качнув хвостом.

Окё прижала готовые пролиться слезы рукавом, а затем вежливо пригласила гостей пройти внутрь молельни.

Ёсихико шёл с изрядным любопытством — не каждый день тебя приглашают зайти внутрь места, на которое обычно смотришь издали. Несмотря на регулярное посещение храма

Онуси, даже там Ёсихико никогда не заходил дальше короба для подаяний. Ёсихико снял обувь, взял её в руку и как раз поднимался по лестнице, почерневшей от долгих лет, как вдруг ему навстречу вышли две прихожанки среднего возраста. Однако, хоть Ёсихико и находился в их поле зрения, они даже не посмотрели в его сторону и продолжили о чем-то беседовать.

— Я поставила барьер перед входом в святилище. Внутри него другие люди вас не увидят, мастер Ёсихико, — пояснила Окё, угадав мысли Ёсихико.

— Ты ещё и такое устроила?

Ёсихико невольно остановился и посмотрел по сторонам. Действительно, в воздухе у самого входа висит тусклая радужная пелена. Наверное, это и есть барьер.

— И даже в землях Кацураги современные люди молятся только о себе? — Когане со вздохом посмотрел в сторону женщин, опустивших по монетке в короб и помолившихся о том, чтобы им повезло в лотерее. — Сила богов изначально проистекает от искренне проводимых божественных фестивалей. Я не понимаю, почему люди считают, что их желания исполнятся, если они бросят монетку и зачитают беспечную молитву.

Когане, как всегда, выразился сурово, а Ёсихико почесал затылок в смешанных чувствах.

— Но разве боги существуют не для того, чтобы исполнять желания? — озвучил Ёсихико наивный вопрос, долгое время не дававший ему покоя.

Каждый человек, заходя в храм, загадывает пару желаний, и Ёсихико никто и никогда не рассказывал, что этим он раздражает богов.

В ответ на его вопрос Окё натянуто улыбнулась и повернулась к нему.

— Небесные боги, земные боги, сородичи, духи... многое определяется разнообразностью божества, но, как правило, все они отвечают на масштабные молитвы, вроде просьб об урожае или всеобщем процветании, а на индивидуальные мольбы, вроде сдачи экзаменов или любви, практически не откликаются. Если все студенты, посетившие святилище, сдадут экзамен, выйдет очень странная ситуация, не так ли? Мы можем поддерживать людей, но не станем исполнять просьбы, которые происходят от нежелания трудиться.

— А... кажется, я понял...

И правда, если боги начнут исполнять все желания, то у людей пропадёт необходимость работать и трудиться.

— Но с давних времён боги, крепко привязанные к земле, относились к живущим на ней людям, как к своим детям. И когда те часто просили богов об одолжении, многие все же

поддавались своим чувствам, — с улыбкой добавила Окё. — На самом деле, в древности владыку Хитокотонуси уважали и почитали, а он отвечал на благородные мольбы людей ниспосланием откровений. До сих пор в этих краях его кличут «почтенный Хитокото» и говорят, что его святилище дарует людям одно желание[□]Имя «хитокото» означает «одно слово» или «одна сказанная [вещь]», отсюда — «одно желание»..

Окё предупредила о том, чтобы они смотрели под ноги, и пошла вглубь храма.

— Люди — слабые создания. Действительно, многие из них вымаливают что-то для себя, владыка Хитокотонуси всегда говорил, что нет ничего страшного в том, чтобы дать им высказаться.

В полумраке храма тускло горели два огонька. Прямо по центру располагался стол для подношений, на котором стояли вода и рис. Позади него — окно с деревянной рамой, в котором виднелись другие здания. Храм оказался на удивление коротким.

— ...И где твой владыка Хитокотонуси?

При всей величественности этого места, бога здесь не ощущалось. Но то неудивительно, ведь внутренности храма совершенно открыты каждому, кто посмотрит за короб для подаяний. В комнате обнаружили несколько щёток, обвешанных листками белой японской бумаги, и украшения, оформленные орнаментом из золотистых молний, но никого божественного не наблюдалось.

— Это молельня. Место, где молятся богу. Самого владыки здесь быть не должно, — Когане посмотрел на Ёсихико взглядом в котором читалось «ты даже этого не знаешь?»

— Тогда где он? — удивился Ёсихико, и Окё указала за стол для подношений.

— Владыка Хитокотонуси находится в главном святилище, вон там.

Окё указала взглядом на окно за столом, и Ёсихико разглядел в нём главное здание, очень похожее на молельню. Во время походов к храму Онуси он никогда не задумывался об этом, но в структуре храмов нетрудно запутаться.

Окё переместилась влево и вошла в узкий проход.

— Владыка Хитокотонуси обладает внушительным доверием жителей этой земли. Но, несмотря на поддержку со стороны жрецов и потомственных прихожан, факт в том, что сейчас он значительно слабее, чем во время встречи с императором Юряку. Сегодня владыке Хитокотонуси тяжело даже ниспослать откровение.

Ёсихико спросил у идущей перед ним опечаленной Окё:

— ...Это из-за того, что всё больше людей не принимают участия в божественных фестивалях?..

Если учесть слова Когане, то, вероятнее всего, дело в этом.

Окё обернулась и неловко улыбнулась.

— Богам вовсе не обязательно нужны грандиозные ритуалы. Просто когда-то боги питались силой от людей, что стояли перед их домами, благодарили и рассказывали о том, как счастливы они в своей жизни, — когда Окё сделала паузу, Когане утвердительно кивнул. — Даже после того, как ему стало тяжело посылать откровения, владыка Хитокотонуси каждый день спускался по лестнице и, зная, что его всё равно не услышат, подбадривал словами каждого, кто приходил молиться сюда. Но...

Окё вновь прервалась и опустила взгляд.

— Но последний месяц он безвылазно сидит в главном святилище.

Ёсихико нахмурился так, словно речь шла вовсе не о ком-то другом.

— Другими словами... он... стал затворником?

Пока в голове Ёсихико проносились неоднозначные мысли, Окё открыла деревянную дверь и вышла наружу. Затем она прошла мимо стола для подношений и поднялась по лестнице, ведущей в основное святилище. Здание стояло на склоне горы, а за ним росли такие раскидистые деревья, что полностью скрывали крышу.

Когда Окё поднималась по лестнице, она вдруг запнулась, и Ёсихико тут же подал ей руку.

— Вы в порядке?

Он сделал для себя открытие — даже сородич бога может споткнуться.

— Пожалуй, мне следует быть признательной, — натянуто улыбнулась Окё и прошла оставшиеся ступени.

Ёсихико, шедший вслед за ней, опустил взгляд на руку. Он прикасался к Окё уже второй раз и вновь ощутил исходящий от неё странный холод.

— У уединения Хитокотонуси была какая-то причина? — тихо спросить Когане, поднимаясь по лестнице.

Глаза Окё забегали, словно она пыталась отыскать ими ответ.

— «Аз есмь Бог излагающий, кому скверна и добродетель — глаголы». Когда-то именно такими словами владыка Хитокотонуси представлялся, являясь императору Юряку...

— ...Это вообще японский? — растерянно спросил Ёсихико, чем немедленно заслужил пристальный взгляд Когане.

— Это значит, что он бог высказываний, который может одним словом указать на добро и зло. Другими словами, имя этого бога обладало огромным могуществом.

— ...Понятно.

Это какой же устрашающий бог ждёт их в глубинах главного святилища? Ёсихико с трепетом проследовал за Окё, открывшей двери, ведущие в заветное здание.

— Когда владыка Хитокотонуси представлялся таким образом, он гордился словами, которые произносил. Но к сегодняшнему дню слова, которыми он подбадривал людей, и которые лились из него, как из рога изобилия, совершенно иссякли.

Окё отворила первые двери. Внутри царил полумрак, особенно по сравнению с молельней. Позади незажжённых лампад обнаружилась маленькая лестница, ведущая к ещё одним дверям. Перед ними стояла пара небольших клейер[□]Клейера — священное синтоистское дерево, устанавливается в храмах; в помещении обычно вырастает не выше полутора метров в высоту. и круглое зеркало. Похоже, именно за этими дверями и находился Хитокотонуси.

— Стыдно должно быть из-за того уходить в отшельники. Ладно бы о нём беспокоилась лишь сородич Окё, но если его имя всплыло в молитвеннике, значит, о положении дел прознали и высшие боги, — проговорил Когане, сокрушённо качая головой, а затем вдруг резко вскочил на лестницу, прошёл мимо клейер и зеркала и надавил на двери лапой.

— А, эй, Когане!

Разве можно так вести себя, находясь в гостях в чужом святилище? Ёсихико бросился за Когане, но Окё осталась смотреть на них сзади, а Когане успел открыть двери носом.

— Хитокото-но-оками, лакей прибыл. Показывайся, — сказал Когане и двери неспешно отворились.

— ...Хм?

И из-за них полился настолько знакомый свет, что Ёсихико застыл на месте.

Прямоугольный источник освещений висел в центре небольшой комнаты. И чем больше глаза Ёсихико привыкали к полумраку, тем отчётливее становилась фигура мальчика, похожего на учащегося средней школы, сидевшая в комнате. Его волосы такие длинные, что доходили бы до плеч, если бы не белая лента из прочной бумаги, собиравшая их у макушки. Одетый в знатное одеяние бледно-зелёного цвета, он сидел перед чайным столиком. Но больше всего внимания привлекало не это.

— Компьютер?..

На голове мальчика держались непропорционально большие наушники, а перед ним находилось нечто, что могло быть только компьютером. Причём не из числа модных нынче компактных неттопов, но с большим чёрным системным блоком, который можно найти только в магазине для энтузиастов. Клавиатура тоже необычной формы, с внушительной подставкой для рук. Компьютер оккупировал почти всю площадь скромного чайного столика. Кроме того, при осмотре комнаты в глаза бросались валяющиеся на полу планшет, смартфон и плеер, а также стоящий в углу ЖК-телевизор диагональю примерно 32 дюйма, перед которым лежали несколько игровых консолей. Помимо всего этого, в комнате нашлись фигурки героинь современных игр, постеры и стопки игровых журналов, из-за которых грань между внутренними покоями святилища и комнатой среднего школьника заметно стиралась.

— Чего надо?

Перед тем, как мальчик увидел посетителей и бросил эти слова, прошло какое-то время — не исключено, что из-за своих огромных наушников он попросту не заметил неожиданно открывшуюся дверь. Однако взгляд его продлился лишь мгновение, после чего вновь уткнулся в экран компьютера. Похоже, он играл в какую-то игру, причём с мышкой и клавиатурой управлялся весьма умело.

— Э-э, — Ёсихико несколько раз моргнул, не веря своим глазам.

Когане же, успевший зайти в комнату, замер с ошарашенным видом, не в силах обронить ни слова.

— Э-э... просто на всякий случай, но это точно?.. — осторожно обратился Ёсихико, и Окё уверенно кивнула.

— Да. Это мой господин, владыка Хитокотонуси.

Часть 3

— ...На самом деле, это моё дефолтное состояние. Речь вовсе не о том, что я превратился в хикки и не выхожу из дома, — заявил похожий на ученика средней школы Хитокотонуси, сидящий в покоях главного святилища в окружении электронных устройств.

— Де... «дефолтное» это какое?

От того, как слабо Хитокотонуси походил на бога, заставившегося преклониться перед собой даже императора, Когане уже какое-то время выглядел так, словно в любую секунду мог упасть в обморок.

— Это значит, работа у меня такая. Отсюда ловится вай-фай офиса храма, так что мне вполне комфортно. Как же всё-таки приятно стало жить, когда сюда протянули оптику.

— ...Ты серьёзно? — буркнул про себя Ёсихико.

Он и подумать не мог, что когда-нибудь услышит словосочетание «ловится вай-фай» из уст бога. Когане же оно окончательно перегрузило: глаза лиса закатились, и Окё едва успела поймать его до того, как он стукнулся о пол.

— А вообще, я никаких лакеев не вызывал, и мне тут вполне комфортно. Можете идти, — заявил Хитокотонуси, после чего вновь повернулся к монитору.

На нем виднелся знакомый Ёсихико пейзаж из онлайн-игры. Возможно, что этот внушительный компьютер как раз предназначался для игры.

— Владыка Хитокотонуси, они приехали сюда из самого Киото. Хотя бы поговорите с ними, — сказала Окё, не выдержав реакции своего хозяина, но Хитокотонуси недовольно замотал головой.

— Я же сказал: у меня всё хорошо.

— Это не так! Имя Хитокотонуси в этих местах почитается особо. Такому богу как вы не к лицу постоянно сидеть дома!..

— Люди меня всё равно не видят. Им не важно, гуляю я по улице или сижу дома.

— Дело не в этом!

— Замолчи уже.

Ёсихико наблюдал за их разговором и чувствовал, что у него начинает болеть голова. Это ведь типичный спор ребёнка, который просиживает все дни за компьютером, и его молодой мамы. Перед приездом сюда Ёсихико пытался представить себе, каким же внушительным должен быть знаменитый бог души слов[□]Котодама — «душа слова», это понятие в синто и японской культуре вообще, подразумевающее, что с помощью слов можно магическим образом воздействовать на реальность., и воображаемое божество точно не походило на мальчика

школьного возраста, в совершенстве владеющего интернетом и всякой электроникой.

— Возможно, если вы поговорите с ними, то вам могут прийти в голову новые мысли касательно тех слов, что не дают вам покоя, — Окё изо всех сил пыталась переубедить Хитокотонуси, но тот лишь недовольно смотрел в монитор и управлял игровым персонажем.

— Уже неважно. Люди всё равно не слушают, что бы я им ни говорил. Все рассказы о том, какой я великий бог, остались в прошлом. В «Записках о делах древности» меня едва упоминают, а в летописях обо мне хоть и начали часто писать, но потом стали путать с Котосиронуси, — угрюмо пробормотал Хитокотонуси, ссутулился и упёрся взглядом в экран. — Мои воспоминания о древности почти истлели, и к сегодняшнему дню я настолько ослаб, что даже выгляжу вот так. Моё уединение никому не мешает.

— Владыка Хитокотонуси! — упрекающим тоном отозвалась Окё на самобичевание господина.

Не самая приятная обстановка. Ёсихико тихонько вздохнул. Хоть он и понимал чувства Окё, но так она лишь разозлит Хитокотонуси. Пока не совсем понятно, как он дошёл до такой жизни, но сходу эту проблему не решить.

— ...Легендарному богу Кацураги не пристало вести себя так. Куда делся тот бог, что воздвиг в этих землях храм Такаока, а затем поставил на колени императора Юряку?.. — с трудом выдавил из себя Когане, поднимаясь с пола. — Если ты собираешься жить так и дальше, то вознесись сию же секунду! Обруби свою связь с миром людей и живи на небесных лугах! Земные боги [□]Когане использует слово «куницуками», которое означает божество, живущее на Земле, как правило, в какой-то конкретной местности; такие боги находятся по иерархии ниже «амацуками» - небесных богов, но выше прочих духов. должны такое уметь!

Но сердитые слова совершенно не испугали Хитокотонуси. Протяжно вздохнув, он ответил:

— Как же вы надоели. Вот поэтому я и ненавижу богов, что живут лишь прошлым. Времена — они меняются, знаешь? Кажется, ты и сам уединился в своём святилище после того, как оммёдо упразднили, Хоидзин?

— Не смей сравнивать меня с собой! Я бы ни за что и никогда не стал бы порочить себя такими мирскими делами!

От всех этих разговоров Ёсихико чувствовал себя лишним. Он смог лишь тихо прокомментировать:

— Кстати, Когане, а ты, видимо, был настолько могущественным божеством, что даже сейчас можешь бранить легендарного бога, поставившего на колени императора...

До сих пор Ёсихико считал, что вся сила Когане сводится к умению управлять направлениями.

Да и жил он всё это время в малом святилище, а не в основном. Трудно представить, что кто-то вроде него может быть сильным богом.

— Хоть я и сама многого не знаю, но слышала, что владыка Когане относится к древним богам, существовавшим задолго до прочих. Что Хоидзин существовал уже тогда, когда наш мир только-только появился, — Окё улыбнулась, а затем шепнула на ухо Ёсихико: — На самом деле владыка Когане большую часть богов считает лишь птенцами.

— Понятно...

Ёсихико окинул взглядом Когане, стоявшего со вздыбившейся шерстью и смотревшего на Хитокотонуси. Ёсихико никогда не думал, что этот лис настолько стар и относится к древним богам.

— И вообще, земные боги слишком добры к людям! Как вы не понимаете, что ваши действия ударяют по нам самим?!

— Так-так, Когане, успокойся.

Ёсихико пригладил Когане, готового в любую секунду наброситься на Хитокотонуси, и попытался утихомирить его. Но Когане отмахнулся и злобно уставился на Ёсихико. Может, он и старый бог, но выглядит как пушистый лис.

— Я же говорил тебе не гладить ни с того ни с сего!

— Хорошо-хорошо. Прости, что шерстку потрепал, но прошу тебя, помолчи.

После этих слов Ёсихико передвинулся так, чтобы лучше видеть происходящее на экране монитора.

— Меня не интересуют увещания ни богов, ни людей, — грубо бросил Хитокотонуси, не отводя взгляда от монитора, и продолжая работать мышкой и клавиатурой.

— А, ничего страшного, я не уверен, что вообще увещевать умею. Я ведь только временный лакей, — честно отозвался Ёсихико, усаживаясь поудобнее. — Мне немного жаль почтенную Окё — она очень беспокоится за тебя. Но, как я понимаю, ты никого не задеваешь и не обманываешь.

Ёсихико уселся в позе лотоса, подпёр подбородок рукой и принялся высказывать мысли начистоту. Будучи человеком, перед которым закрылись двери бейсбола, который потерял работу и не откликнулся на голоса многих людей, что желали помочь ему, Ёсихико не заслужил права в чем-либо попрекать Хитокотонуси.

— У меня тоже бывают дни, когда хочется запереться дома и никуда не выходить.

Возможно, это чувство Ёсихико понимал лучше, чем кто-либо другой. Когда-то он оборвал все связи с миром и изо всех сил сбегал от реальности, не сильно отличаясь от того, как себя вёл Хитокотонуси.

Услышав слова, которыми Ёсихико словно уподоблял Хитокотонуси себе, тот, наконец, оторвался от монитора и поднял взгляд на Ёсихико.

— А вообще скажи, это ведь у тебя «Хантинг Лайф»? — спросил Ёсихико, указывая на экран.

Изображение показалось ему знакомым. Ёсихико и сам дома играл в эту онлайн-ролевую игру, в которой нужно помогать другим игрокам, чтобы, поддерживая друг друга разнообразными умениями, побеждать монстров и расширять свои владения.

Вопрос Ёсихико так изумил Хитокотонуси, что он не сразу нашёлся с ответом и моргнул.

— Да, а...

— Ты знаешь, я застрял на поимке Отца Драконов с горы Тото. Ты его прошёл?

— А, ага, это я уже сделал, — Хитокотонуси неуверенно кивнул.

— Значит, у тебя профессия плотника? Я правильно понимаю, что его нельзя пройти, не разбив лагерь?

— М-м... лагерь не мешает, это точно. У нас был плотник в группе. Так что либо это, либо профессия дрессировщика...

— Так и знал, что это правильные варианты.

Как только между ними завязался разговор об игре, Когане бросил на Ёсихико подозрительный взгляд, но человек старательно проигнорировал его. Ёсихико очень дорожил возможностью хоть с кем-то обсудить игру, в которую обычно играл в одиночку.

— А я как-то умудрился прошаляпить обе профессии.

Обычно такие разговоры заводятся на специализированных форумах, но, судя по всему, Хитокотонуси — вполне себе знаток. Так что заказ заказом, а обсудить игру Ёсихико хотелось.

— Ага, это не такие важные профессии, поэтому их освоение часто откладывают на потом, —

ответил Хитокотонуси, затем ещё какое-то время сомневался, после чего продолжил: — ...Там, у стены, есть ещё один компьютер.

С этими словами он указал на угол со знакомой по молельне свисающей с потолка роскошной тканью.

— Если хочешь, можешь прямо сейчас встретиться онлайн, и я помогу тебе пройти Отца Драконов.

— Реально?!

— У меня профессия дрессировщика. У тебя воин прокачан?

— Ага.

— Ну, тогда проблем не будет.

— А ну-ка стоп! — вмешался Когане в начинающийся сеанс совместной игры. — Ёсихико, твоя миссия — не в том, чтобы наслаждаться играми! Твоя задача — получить от Хитокотонуси заказ и выполнить его! Окё, ты тоже прекрати молча смотреть и скажи...

— Я так давно не видела... чтобы владыка Хитокотонуси просил кого-то что-либо сделать!..

От вида того, как Окё вытирает глаза длинными рукавами, Когане на мгновение потерял дар речи.

— Как тебя звать? — спросил Хитокотонуси у Ёсихико, когда тот воспользовался предложением и сходил за компьютером, лежавшим у стены.

— Огихара Ёсихико, — ответил Ёсихико, включая компьютер.

— Ёсихико, значит... — пробормотал Хитокотонуси с нотками веселья в голосе.

Однако в следующее мгновение он вдруг бросил взгляд на круглое зеркало, отодвинутое ко входу в комнату, и резко вскочил.

— Что-то случилось?

Ёсихико тоже перевёл взгляд на зеркало, в котором отражался вид на молельню. В этот самый момент одетая в школьную форму девушка стояла перед коробом для подаяний.

Хитокотонуси при виде этой картины поджал губы, словно пытаясь стерпеть боль, и отвёл взгляд.

— Нет... ничего, — обронил Хитокотонуси, обращаясь будто к самому себе, а затем снова уселся за компьютер.

Эта сцена вынудила Ёсихико вновь посмотреть на зеркало. Девушка, по всей видимости, ученица средней школы, наверняка зашла сюда по пути домой. На плече у неё висела тёмно-синяя сумка, а волосы на голове переходили в два хвостика. Она о чём-то молилась, сложив руки. Наконец, закончив бормотать, девушка поклонилась и ушла.

— ...Так вот, Отец Драконов — монстр ледяной, — пока Ёсихико вглядывался в зеркало, Хитокотонуси начал рассказывать стратегию, словно пытаясь заставить себя забыть увиденное. — Поэтому на него хорошо бы пойти с огненным оружием, но его нужно либо приобрести, либо сковать самому, если кузнечным делом владеешь...

При виде того, как Хитокотонуси бубнит с каменным выражением лица, Окё печально вздохнула.

— Та девушка — старшая дочь семьи Мориваки, что живёт неподалёку.

Оставив геймеров развлекаться, Окё и Когане вышли из главного святилища. Солнце уже склонилось к закату, окрасив небеса в бледные цвета.

— Будучи рождённой в семье прихожан, она регулярно ходила в храм и прошла здесь через детские ритуалы. Таким образом, владыка Хитокотонуси всё это время наблюдал, как она растёт. Она искренне верит в сказания о «почтенном Хитокото» и взяла в привычку каждый день по пути домой из школы заходить сюда и молиться о счастье семьи и прочих мелочах.

Когане слушал рассказ Окё, сидя на ступенях, ведущих в главное святилище. Как и подобает горному храму, здесь всеобъемлющую тишину нарушают лишь редкие голоса птиц.

— Но в один прекрасный день у неё появился любимый человек, и эта девушка начала молиться о нём, — Окё посмотрела в небо, вспоминая дела ушедших дней. — Люди нередко молятся о чём-то, что связано с их любовью. Хотя мы и не можем как-то вмешиваться в их дела, но и я, и владыка Хитокотонуси изо всех сил поддерживали её. Моя душа запела, когда я услышала, что ей хватило решимости признаться ему в любви.

Однако на следующий же вечер, в жуткую грозу, девушка пришла в храм в слезах.

На территории храма не было никого. Девушка обхватила руками колени и расплакалась. И

Хитокотонуси, и Окё сразу поняли, что произошло. Девушка находилась перед самими богами, но не молилась им, не бранила их и не обвиняла. Она лишь продолжала рыдать, и стенания её растворялись в звуках дождя.

Хитокотонуси видел это.

Он понял, что не смог исполнить желание этой девушки.

Она промокала на ступенях молельни, а он не мог пригласить её внутрь.

Она замерзала, а он не мог даже взять её за плечи, чтобы согреть.

— Хоть его и называют богом души слов, но тогда владыка Хитокотонуси ничего не смог сказать девушке.

Вскоре после этого Хитокотонуси заперся в главном святилище.

— Его почитают и называют почтенным Хитокото, а он не может исполнить их желания. Он обращается к каждому из них, но они не слышат его слов. Возможно, он подумал... о том, зачем в таком случае вообще существует.

Окё опустила взгляд, а Когане начал покачивать хвостом, словно думая о чём-то.

— Но ведь боги должны прирастать силой от почтения людей. В таком случае нет ничего удивительного в том, что он больше не может посылать откровения. Ты не думала, что Хитокотонуси переусердствовал с помощью людям?

С точки зрения Когане Хитокотонуси потерял свою силу из-за людей. И, опять же, это люди перестали получать его откровения. Разве в таком случае не справедливо сказать, что они сами это заслужили? Когане не очень понимал, почему Хитокотонуси так расстроен. Разве это его вина, что он больше не может посылать людям откровения?

Слова Когане вызвали у Окё улыбку.

— Возможно, владыка Хитокотонуси слишком добр... — сказала она, опуская взгляд на свои руки.

И тогда Когане озвучил подозрение, которое возникло у него ещё тогда, когда он впервые увидел её:

— ...И как давно ты заболела?

Возможно, Ёсихико этого ещё не заметил. Но даже он, не зная всех подробностей, должен был начать что-то подозревать, когда коснулся её.

— Совсем недавно, — Окё неловко улыбнулась. — Как и вы, владыка Когане, я предлагала владыке Хитокотонуси вознестись на небеса. Бессмысленно оставаться в мире людей и ждать, пока силы бога окончательно иссякнут.

Из глубины главного святилища слышались голоса увлечённых игрой геймеров. Окё скосила на святилище полный доброты взгляд, тот самый, которым старое дерево у дороги одаривает путников, что остановились отдохнуть в его тени.

— Но владыка Хитокотонуси не согласился.

Когане тоже перевёл взгляд янтарных глаз и заглянул в святилище. Почему тот бог, что находится внутри, так помогал всякому, просившему его помощи? Почему не отказывал никому, кто бы ни пришёл к нему?

— Не понимаю... — как можно тише пробормотал Когане.

На месте Хитокотонуси он бы уже наверняка давно покинул святилище. С самой древности заведено, что всему, что не обладает бесконечной жизнью, уготована смерть.

Над головой Когане шумела листва, в которой играл ветер, пришедший с земли Кацураги.

Достижение поставленной цели, пусть даже в игре, — настоящее блаженство. После того, как Ёсихико и Хитокотонуси объединили силы и успешно поймали Отца Драконов, они на пару выполнили ещё несколько миссий. Известно, что когда начинаешь играть, то совсем забываешь о времени, и когда Ёсихико, наконец, оторвался от компьютера, оказалось, что прошло уже пять часов, солнце полностью зашло, и снаружи воцарилась темнота.

— Давненько я вот так со знакомым не играл.

Ёсихико по-товарищески стукнулся кулаком с Хитокотонуси, а затем от усталости завалился на пол. Забавно осознавать, что он только что играл в одной команде с богом.

— Хотя, студентами мы с Котаро частенько так делали... — пробормотал Ёсихико и ощутил, как в голове ожили неприятные воспоминания.

— Котаро? — спросил Хитокотонуси, обернувшись и закатав рукава, обнажая тонкие руки.

— ...Мой расстроенный друг, которому я вчера наговорил лишнего, — самоуничижительно ответил Ёсихико, и Хитокотонуси натянуто улыбнулся.

— Как интересно. Я удручён тем, что не смог ничего сказать, а ты — тем, что смог.

Ёсихико улыбнулся, понимая, что его собеседник прав. Слова нередко покидают рот ещё до того, как их успеваешь обдумать.

— Ты знаешь... в прошлом году я повредил правое колено и вкусил много горя, из-за чего где-то полгода жил примерно как ты, — обронил Ёсихико, глядя в потолок.

Глядевший в монитор Хитокотонуси удивлённо перевёл взгляд.

— Котаро столько всего сказал мне из-за того, что беспокоился, а я бросил ему, что он ни черта не понимает... просто из зависти... — пробормотал Ёсихико, закрывая глаза.

Он словно воздвиг стену между собой и своим другом, отвергая руку помощи.

При этом Ёсихико понимал, что его друг, будучи другим человеком, никогда и не смог бы полностью его понять.

— Но ведь он твой дорогой друг? — спросил Хитокотонуси.

Ёсихико открыл глаза и после короткой паузы согласился:

— ...Да.

Учитывая то, каким ущербным Ёсихико считал себя на фоне Котаро, уверенно идущего по жизненному пути, мог бы давно порвать с ним связи.

Но, тем не менее, решил сохранить их. Почему?

— Ты считаешь, что поступил плохо?

— Да...

— Тогда все нормально, — сказал Хитокотонуси и растянулся на полу на манер Ёсихико. — Вы ведь именно потому жалуетесь, ноете и изливаете эмоции, что близки друг другу? Мне это кажется доказательством взаимного доверия. Ты показал ему себя с худшей стороны именно потому, что чувствуешь себя с ним непринуждённо.

Хитокотонуси потянулся руками и ногами, а затем повернулся к Ёсихико.

— Поэтому я уверен, что и Котаро всё понимает.

Ёсихико невольно оторвал голову от пола, сел и изумлённо посмотрел на Хитокотонуси, который после небольшой паузы спросил:

— ...Чего?

— Да так, просто подумал, что для школьника ты очень правильные вещи говоришь.

— Эй, несмотря на мой внешний вид, я — бог не младше многих других, — сокрушённо отозвался Хитокотонуси.

Ёсихико сразу же извинился перед ним. Из-за того, что они долгое время вместе смотрели в мониторы и шумели, он забылся и решил, что это действительно школьник.

Ёсихико учтиво улыбнулся, а Хитокотонуси перевёл взгляд на потолок. Его глаза какое-то время неуверенно бегали, но затем он решился и сказал:

— Та... девушка, чьё отражение ты видел в зеркале, родилась в семье прихожан. Я знал её ещё младенцем.

Хитокотонуси говорил таким тоном, словно начинал читать толстенный том. Ёсихико перевёл на него взгляд.

— Родители впервые принесли её сюда ещё до того, как она научилась держать голову. Сейчас она учится в средней школе и каждый день по пути заходит, чтобы помолиться о мелочи, вроде счастья и здоровья для друзей и семьи. Иногда она заходит просто для того, чтобы рассказать, что на школьной клумбе зацвели цветы.

Ёсихико оживил в памяти образ девушки, которую видел в зеркале. Видимо, это честная, вежливая школьница, выросшая в провинции среди гор Кацураги и хорошо воспитанная.

— Однажды она пришла сюда с разбитым сердцем и рыдала под дождём. Я был совершенно уверен, что ей хочется выговориться. Я был готов выслушать любые жалобы на жизнь, и утешить её любыми словами, пусть они и не достигли бы её. Я вышел из молельни и спустился по лестнице, — Хитокотонуси прервался, насупил брови и закрыл глаза. — ...Но она не сказала ничего. Она не умоляла меня, не уповала на помощь и не жаловалась. И я мог лишь молча смотреть на неё. Я, бог души слов, не смог сказать ей ни одного слова. Ты... понимаешь, почему?

Ёсихико покачал головой.

Хитокотонуси открыл глаза, перевёл взгляд с потолка на Ёсихико и улыбнулся.

— Потому что она ни о чем не просила меня.

Казалось, будто Хитокотонуси улыбается сквозь слезы.

— Я для неё — настолько бессмысленное создание, что мне даже незачем жаловаться. В конце концов, я так ослабел, что мои слова не достигают людей. Все подбадривания и утешения я произношу для собственного удовлетворения. Меня постигло болезненное осознание того, что так было с того самого момента, когда я потерял возможность посылать людям откровения, — произнёс Хитокотонуси, изливая накопившуюся душевную боль. — Я не приношу людям никакой пользы.

Ёсихико не нашёлся с ответом. Он и представить не мог, что бог будет говорить о пользе людям. Боги всегда казались ему всемогущими созданиями, намного превосходящими людей.

— Н-но ведь... ты потерял силу из-за того, что правильных фестивалей в твою честь стало меньше? Разве это не вина людей? Почему же ты настолько...

Знаменитый бог Кацураги, живший здесь с давних времён.

Но почему он скорбит о потерянной силе, но при этом так любит людей?

— Это же очевидно, — ответил Хитокотонуси, не колеблясь ни секунды. — Я ведь бог.

Он немного неловко улыбнулся.

— Я был лишь духом, жившим в горах Кацураги. Это люди почитали меня как бога и наделили меня силой.

Это было очень давно, в те древние времена, когда люди трепетали перед природой, животным и явлениями, обожествляя их.

— Правда, сейчас, когда я потерял силу, мои старые воспоминания начали расплываться... — Хитокотонуси опустил взгляд на щуплые руки. — Но я не должен забывать о благодарности.

Ёсихико выпучил глаза от изумления.

Зрение показывало, что перед ним мальчик среднего школьного возраста, и в то же время он

ощущал в собеседнике волю столь сильную, что по коже пробежал мурашки.

Он почувствовал незапятнанную чистоту этой мысли, которую бог сохранял в течение многих тысяч лет.

Даже потеряв силу, он стремился помочь людям — настолько упрямо и глубоко его милосердие.

— Ты...

Ёсихико возненавидел себя за то, что в такой важный момент не мог подобрать ни одного подходящего слова. Он тонул в чувствах, нахлынувших на него, не зная ни одного слова, которое могло бы выплеснуть их наружу.

До тех пор, пока имя этого бога не появилось в молитвеннике, Ёсихико даже не знал о его существовании. Он понятия не имел, какие святилища посвящены ему, за что именно его почитают, и вообще до самой встречи с Когане и своего избрания заместителем лакея считал богов лишь выдуманными созданиями, которым удобно молиться.

Но сейчас он видел перед собой бога и отчётливо ощущал доносившуюся от него теплоту.

— Эх-х... что-то так ко сну потянула...

Хитокотонуси протёр глаза, не вставая с пола. Видимо, он давно не играл с кем-либо в своё удовольствие, и потянулся от приятной усталости.

— Отдохну немного...

Прошло совсем немного времени, и Хитокотонуси тихонько засопел. Своим беззащитным юным лицом он стал ещё сильнее походить на школьника. Ёсихико снял свою лёгкую кофту и осторожно положил её поверх богатых одежд бога.

В темноте главного святилища слышался стрёкот жуков, порхающих снаружи.

Часть 4

— Вот дерьмо...

Ёсихико сидел на ступеньках, соединявших вход в главное святилище с землёй, щурился от яркого утреннего солнца и смотрел в экран смартфона, который не брал в руки весь вечер.

Прошлой ночью он, как и Хитокотонуси, сам не заметил, как уснул, и проснулся даже не ранним утром. Очнулся он на твёрдом полу недалеко от Хитокотонуси, который уже уселся за компьютер и читал любимые блоги.

Хотя часы показывали уже одиннадцать, окна главного святилища всегда оставались закрытыми, и вечный полумрак на пару с сидением взаперти здорово сбивал ощущение времени.

— Хотя, проблема не в этом... — пробормотал Ёсихико, хмурясь и почёсывая щеку.

И действительно, вопрос не в том, как оправдаться перед собой, а в том, как объяснить родным, что он без их разрешения ночевал не дома. Смартфон сообщал, что у Ёсихико есть сообщение от матери, а также от Котаро, с которым та наверняка связалась. Конечно, Ёсихико не думал, что если 24-летний парень проведёт одну ночь не у себя дома, то поднимется скандал, но навлечь на себя подозрения ему не хотелось. Собственно, как он и ожидал, в сообщении матери обнаружилась многозначительная строчка «вот уж не думала, что ты на такое способен».

— Доброе утро, мастер Ёсихико.

Пока Ёсихико сидел, обхватив голову, рядом с ним в какой-то момент появилась Окё. Лучи утреннего солнца играли в её блестящих черных волосах.

— Я думала разбудить вас прошлой ночью, но вы так хорошо спали...

— Да смысла не было, я бы на последнюю электричку все равно не успел. Это мне нужно извиниться, за то, что я без разрешения заночевал у вас.

Он и подумать не мог, что останется здесь на ночь. Окё с улыбкой смотрела на то, как Ёсихико борется с зевотой.

— Ничего страшного, владыке Хитокотонуси тоже очень понравилось. Доказательство этому — то, что он сегодня с утра в отличном настроении, — сказала Окё приглушенным голосом, заглядывая в главное святилище.

Ёсихико казалось, что Хитокотонуси лишь лениво листает фотографии котиков, но если Окё видит его каждый день, то наверняка замечает даже малейшие перемены.

— Что насчёт заказа?

Со стороны молельни пришёл Когане, покачивая хвостом, казавшимся ярче даже утреннего солнца. Своими словами он заставил Ёсихико вспомнить, что есть дело важнее размышлений о том, как объяснить своё ночное отсутствие. И правда, он сюда не играть приехал. Его

попросили спасти не выходящего из дома Хитокотонуси.

— Н-ну я... как раз... собирался подумать... — пробубнил, отведя взгляд, Ёсихико.

Когане молча подошёл к нему, и Ёсихико не выдержав давления, резко вскочил.

— Д-да помню я, помню! Только проголодался. Как поем, так сразу!

Если подумать, то вчера он с обеда не ел ничего, если не считать чая, купленного по пути сюда.

— Ты точно займёшься этим после еды?

— Займусь, сказал!

Ёсихико, стараясь сбежать от недоверчивого взгляд Когане, схватил лежащую на земле сумку и вытащил из неё кошелёк.

— Госпожа Окё, здесь поблизости есть какой-нибудь супермаркет?

Насколько он помнил по своей автобусной поездке, здесь самая настоящая глушь. Далеко от станции, вдали от крупных дорог, вокруг одни лишь поля, огороды да горы.

— Есть! Владыка Хитокотонуси рассказывал мне, что супермаркеты — очень удобные места для людей. Наверняка там вы найдёте что-нибудь себе по вкусу.

Улыбающаяся Окё хлопнула в ладоши, а затем рассказала Ёсихико, куда идти.

— Раз уж мы здесь, не желаете ли прогуляться?

Примерно в десяти минутах ходьбы от посвящённого Хитокотонуси храма обнаружился новый действующий супермаркет. Там Ёсихико купил булочку, кофе, а также рисовый пирожок с кремовой начинкой, поскольку Когане бросал на него слишком уж протяжные взгляды. С этим добром Ёсихико направился к скамейке в углу парковки. Конечно, никто не мешал вернуться

назад, но он счёл немыслимым принимать пищу внутри главного святилища. Погода стояла отличная, так что никто не мешал поесть прямо здесь. Легкомысленное предложение прогуляться поступило от Окё как раз, когда Ёсихико съел булочку и запил её.

— Прогуляться?

— До того, как владыка Хитокотонуси перестал выходить из дома, мы часто прогуливались неподалёку, наблюдая, как зреет урожай, и как живут люди. Но сейчас я не могу оставлять его одного и прохаживаться так же часто...

Хотя Окё и говорила с показной неохотой, её бледные руки нетерпеливо тёрлись друг друга. Другими словами, она сама очень хотела погулять. И правда, от постоянного беспокойства за Хитокотонуси весел не будешь.

— Бог заперся в святилище, а дерево гинкго хочет погулять. Мир перевернулся, — Когане протяжно вздохнул.

Пусть он постоянно напоминал, что не просил о еде, но стоило Ёсихико протянуть ему пирог, как у Когане заблестели глаза. Сейчас он, основательно перемазав морду мукой и начинкой, выглядел не слишком грозно.

— Хорошо. Давайте прогуляемся.

Нельзя сказать, что вернуться сию же минуту и попытаться наставить Хитокотонуси на путь истинный — такая уж хорошая мысль. Допив кофе, Ёсихико согласился с предложением Окё, чем сильно обрадовал её.

— На самом деле есть одно место, которое я хочу показать вам, мастер Ёсихико, — Окё пошла уверенным шагом, приглашая за собой. — Прошлой ночью я говорила об этом с владыкой Когане, но у меня есть догадка относительно того, чем вызвано нынешнее состояние владыки Хитокотонуси.

По однополосной дороге ехали немногочисленные машины. С обеих сторон простирались поля, где раскачивались на ветру колосья уже созревшего и ждущего сбора урожая риса. Окё вела их по дороге на юг.

— Это из-за девушки с разбитым сердцем? — вспомнил Ёсихико свой ночной разговор с Хитокотонуси.

Он рассказывал о девушке, которая ходила в храм каждый день, а однажды пришла и расплакалась, притом совершенно не жалуясь на жизнь.

Окё неловко улыбнулась — она не предполагала, что Ёсихико уже наслышан об этом.

— Я полагаю, что после того случая владыка начал сомневаться в смысле своего существования. Он задался вопросом, нужен ли бог, который не приносит людям пользу, — Окё посмотрела в ясное осеннее небо. — Владыка Хитокотонуси считает, что люди и боги должны идти по жизни рука об руку. Он не из тех, кого раздражают просьбы. Если позволите высказать мысль, пришедшую в мою бестолковую голову, то я считаю, что помочь чувствам владыки можно, выяснив, почему в тот раз девушка не сказала богу ни слова...

Они прошли мимо почтового отделения и шли по узкой тропинке, проложенной прямо посреди поля. Вдали показалось бетонное строение.

— Но ведь та девушка продолжила посещать храм и после, ведь так? Я слышал, она заходит каждый день после школы, — отозвался Ёсихико, удивлённо наклонив голову.

Если она не доверяет богам, то зачем каждый раз проделывает этот путь? Окё повернулась к Ёсихико с удручённым видом.

— Именно это меня и беспокоит. Она посещает нас практически каждый день, но почему она промолчала в тот день, когда ей было хуже всего? Вот, что мне хотелось бы узнать.

Наконец, Окё взошла на небольшой холм и остановилась. С этой точки отлично просматривались окрестности бетонного сооружения... оказавшегося школой. Сейчас как раз шла перемена, поэтому одетые в форму школьники занимались своими делами во дворе. Ёсихико узнал форму, которую носили школьницы. Точно такую же форму носила девушка, которую он видел вчера.

— С того самого дня я не раз приходила сюда, но её весёлая школьная жизнь продолжается, как ни в чем не бывало. Эта отважная и надежная девушка всегда улыбается в лицо своим друзьям.

Неужели Окё может разобрать её с такого расстояния? Ёсихико с ностальгией смотрел на школьников, вспоминая былые деньки, но тут Окё обратилась к нему с мольбой в голосе:

— Пожалуйста, мастер Ёсихико, прошу вас, не могли бы вы расспросить эту девушку о том, почему в тот раз она не сказала владыке Хитокотонуси ни слова?

От этих слов Ёсихико скис. Он столько думал над тем, зачем Окё привела его сюда, а оказалось, что с целью попросить его, как человека, обратиться к ней напрямую.

— Но если я вдруг спрошу её об этом, то буду выглядеть очень подозрительно...

— Не сдавайтесь, пока не попробуете!

— Нет, я серьёзно, тут не психологический вопрос... — протянул Ёсихико, почёсывая затылок.

Он понимал, что хотела сказать Окё, но нет ли способа реалистичнее? Ладно бы он был знакомым ей человеком или родственником, но не может же незнакомый школьнице мужчина вдруг разговаривать с ней на такую тему.

— Давай быстрее, Ёсихико, — добавил, облизываясь и махая хвостом, Когане. — Спросить всего одну вещь. Разве это сложно?

— Ещё как сложно!

«Совсем ничего в жизни не понимают», — добавил Ёсихико про себя. Сейчас такое время, что, просто перегородив школьнице дорогу и заговорив с ней, можно в полицию угодить.

— Может и одну вещь, но как это выразить?..

Ёсихико никогда не отличался ни красноречием, ни смекалкой.

— Когда она пришла в храм с разбитым сердцем, там были другие прихожане?

Окё покачала головой.

— Нет, в тот день и тот час там была только она.

— И как тогда объяснить, откуда мне это известно? Она меня за маньяка примет.

— Вы ничего не можете с этим сделать?

— Ну-у, по-моему, это немного нереально...

Ёсихико от безысходности уже начал думать о том, не прикинуться ли ему служителем храма, как прозвенел звонок, и все школьники дружно забежали в здание. Окё проводила их взглядом и вздохнула.

— Значит, все-таки невозможно?..

— ...Прошу прощения, — извиняющимся тоном обронил Ёсихико, опуская взгляд.

Он так расстроил Окё, что огорчился и сам. Однако когда Окё увидела это, то сразу замотала головой:

— Что вы, это я попросила вас невесть о чем. Пожалуйста, не берите в голову, — Окё сложила

руки на груди и вновь посмотрела на школу. — ...Однако если подумать, то она не рассказывала о своём разбитом сердце даже подружкам. Наверняка она хочет скрыть это. Я прекрасно вижу, как старательно она пытается казаться сильной. Наверное, вы правы, мастер Ёсихико. Если мы скажем ей, что кто-то видел, как она рыдала в храме, ей это не понравится...

После этих слов Ёсихико резко поднял голову.

— ...Что вы только что сказали, госпожа Окё? — переспросил он, вызвав недоуменный взгляд Когане.

Окё приложила ладонь к груди, видимо, удручённая вопросом.

— Что ей это не понравится?..

— Нет, до этого.

Ёсихико внимательно смотрел на Окё, чувствуя, что её слова что-то задели в его воспоминаниях.

Окё наклонила голову, пытаясь вспомнить, о чем говорила.

— Что она не рассказывала о своём разбитом сердце подружкам?..

«Я прекрасно вижу, как старательно она пытается казаться сильной».

Эти слова ожили в памяти Ёсихико вместе с воспоминаниями о вчерашней ночи, заставив его невольно затаить дыхание. Слова, которые он услышал, указали ему на допущенную ошибку. Когда Хитокотонуси подбадривал Ёсихико, упомянувшего разговор с Котаро, он произнёс такие слова:

«Ты показал ему себя с худшей стороны именно потому, что чувствуешь себя с ним непринуждённо».

— Он ведь сам говорил об этом... — невольно пробормотал Ёсихико, бегая глазами.

Его слова рождали противоречие.

— Мастер Ёсихико?

Не понимающая Окё встретила взглядом с Когане.

Но Ёсихико не обратил на них внимания и пулей сорвался с места в сторону храма.

Если все хладнокровно обдумать, ответ на этот вопрос очевиден.

Девушка пришла в храм в тот дождливый день, когда ей разбили сердце. Хитокотонуси и Окё видели, как она плачет перед лицом бога, не произнося ни слова. Однако до сих пор они так много думали над тем фактом, что она не обронила ни слова, что не смогли увидеть правды.

А ведь ответ был понятен с самого начала.

— Хитокотонуси! — крикнул ему Ёсихико после того как взбежал по каменной лестнице, пересиливая больное колено, и ворвался в главное святилище.

Хитокотонуси сидел перед компьютером в той же самой позе, в которой его оставили.

— О, быстро вы. Разобрались, где Лосон[□]Известная сеть японских супермаркетов.?

— Немедленно прекрати дурачиться!

Стоило Хитокотонуси договорить, как Ёсихико, тяжело дыша, силой оттащил его от компьютера.

— Ч-что это значит? — переспросил ничего не понимающий Хитокотонуси, и Ёсихико немедленно продолжил:

— Немедленно прекрати страдать и думать о том, приносишь ли ты пользу людям!

Почему же эта мысль не пришла в голову Ёсихико сразу же, как только он выслушал Хитокотонуси? Почему же он ещё тогда не смог ответить богу, едва не потерявшему собственный смысл жизни? Ёсихико с досадой упрекнул себя, а затем сказал:

— Тебе нельзя раскисать от того, что девочка не положилась на тебя и не заговорила с тобой! Все это неважно!

Хитокотонуси нахмурился от этих слов.

— Я же уже говорил, смысл моего существования — посылать людям откровения и приносить им пользу. Я не потерплю опровержения ни от кого. Даже от тебя, Ёсихико.

— Нет, ты не прав! Твой смысл жизни не в этом! — отозвался Ёсихико, смотря прямо в глаза собеседнику, а затем изо всех попытался подобрать нужные слова. — Ты вообще думал о том, почему та девушка пришла сюда в тот день?

У входа в главное святилище появились Когане и Окё. Однако Ёсихико совершенно не обратил на них внимания и крепко схватил Хитокотонуси за плечи.

— Если бы для неё это место и в самом деле ничего не значило, стала бы она приходить сюда в дождь, чтобы поплакать?

В глазах Хитокотонуси дрожал огонёк сомнения — он до сих пор не понимал, к чему клонит Ёсихико.

— Госпожа Окё обо всем рассказала мне. Эта девочка всегда улыбается перед лицом своих друзей и старается быть сильной, никому не рассказывая о своей неудавшейся любви.

И эта девушка специально пришла сюда, чтобы поплакать. Что же это означает?

Как объяснить, чтобы до Хитокотонуси дошло? Что сделать, чтобы он понял? Ёсихико тщательно перебирал свой скудный словарный запас.

— Потому что нигде, кроме как здесь, она не могла позволить себе потерять лицо и сорваться в плач из-за потерянной любви.

Есть множество других безлюдных мест. Она могла поплакать в одиночестве там. Ей бы даже удалось не промокнуть под дождём.

И, тем не менее, она пришла сюда.

— Да, возможно, она ничего тебе не сказала. Но разве одного того, что она пришла сюда, не достаточно?

Когане и Окё, стоявшие в дверях, удивлённо смотрели на происходящее.

— Может, она не слышит твоих слов, но твои мысли непременно достигают её. Поэтому она и пришла. К тому же, пусть я и считаю, что слова важны, но ещё важнее твоя доброта, которая вынуждает тебя сожалеть о том, что не удалось утешить одну-единственную девушку.

Ёсихико чувствовал, насколько хрупки плечи, которые он сжимает. Хитокотонуси растерял силу, потерял форму, но продолжает любить людей так же, как и в былые времена.

— Даже если ты молчишь, но она верит, что ты рядом, это придаёт ей сил...

Ёсихико примерил свои же слова на себя. Даже когда он повредил колено и уволился из компании, в уголке его сознания всегда была мысль о том, что рядом с ним есть верный друг.

— Рядом с тобой, Хитокотонуси, ей не нужно прикидываться сильной. Ей не нужно связывать себя словами.

Хитокотонуси слушал слова Ёсихико, широко раскрыв глаза. Ёсихико закончил, глядя точно в них:

— Ты добр уже потому, что был с ней.

И тогда в комнате вдруг вспыхнул свет.

Хитокотонуси стоял, выгнув спину, а из груди его вырывался свет, окутавший сначала комнату, а затем и всё святилище. Он переносил их всех в другое измерение. Пол под ногами исчез, вслед за ним потолок, а потом развоплотились и стены. Свет сиял так ярко, что Ёсихико прикрыл глаза руками, и лишь когда всё затихло, он осторожно посмотрел, что случилось, и сразу же ахнул.

Его обдувал приятный ветерок.

А сам он плыл в бесконечно высоком голубом небе.

— Ч-что это?! — воскликнула Окё, не веря такому перемещению сквозь пространство и время.

Ёсихико же настолько не успевал за событиями, что не мог издать ни звука. Вернее, уместнее сказать, что он попросту не мог переварить происходящее.

Проплывавшие под ногами облака постепенно истончались, обнажая утопающие в зелени холмы. Внизу показались простирающиеся во все стороны незнакомые улицы. Вдоль них стоят беспорядочно построенные дома из дерева и камня. Всюду одетые в грубую одежду люди: с такой высоты получалось разглядеть стирку и приготовление еды на огне. Виднелись бегающие дети. Но самым крупным, самым заметным зданием, открывшимся взору Ёсихико, стало похоже на храм сооружение. Когда его увидел Когане, то с шумом вдохнул, не веря своим глазам.

— Э-это же... дворец Такаока, построенный Ками Нунакава Мими-но-микото?

Ёсихико, едва умудравшийся никуда не заваливаться, повернулся к Когане.

— К-каму Нунакава Мими... кто это?..

Ему казалось, он уже слышал это имя. Но кто это? Когда он жил? Во всяком случае, из истории Ёсихико его не помнил.

— Каму Нунакава Мими-но-микото — это Суйзей, второй император Японии, взошедший на престол две с половиной тысячи лет тому назад. А дворец Такаока — его дом.

— Д-две с половиной тысячи?..

Это ведь даже до нашей эры. Перед глазами Ёсихико разворачивались сцены далёкого, слишком далёкого прошлого. Он уже совершенно не понимал, что к чему.

— Неужели это воспоминания владыки Хитокотонуси?.. — изумлённо прошептала Окё.

Тут сверху послышался протяжный вздох облегчения, заставивший Ёсихико обратить взор к небу.

— Так значит, я в какой-то момент сам себя связал по рукам и ногам?..

Мягкий, низкий голос ниспадал на них, словно нежные солнечные лучи.

— Давно меня так не переполняла сила...

После этих слов в глазах смотревшей вверх Окё появились слезы счастья, и она воскликнула:

— Владыка Хитокотонуси!

И тогда Ёсихико и остальных подбросило ещё выше в небеса, словно кто-то зачерпнул их огромным ковшом. Перед глазами вновь сверкнул ослепительный свет, а затем показался внушительно выглядящий бог мужского пола в белоснежном кимоно. Его чёрные волосы собраны на макушке, а брови настолько чёткие, словно нарисованы тушью, но взгляд на удивление добрый. Ёсихико узнал его глаза и неуверенно произнёс:

— Э-э... это ты, Хитокотонуси?..

Его окутывал ореол такого величия, что Ёсихико стало даже неловко за обращение на «ты». В этом мужчине с широкой грудью и мощными руками уже ничего не осталось от того школьника.

— Именно. Я — Хитокотонуси-но-оками, живущий в горах Кацураги. Сейчас ты видишь меня

таким, каким я был в самом расцвете сил, Ёсихико. Это мои воспоминания, пробуждённые душой твоих слов.

— В-воспоминания?..

Ёсихико не понимал, что происходит. Он чувствовал, что в голове у него полная пустота, но Хитокотонуси мягко улыбнулся и объяснил:

— Ёсихико, ты помог мне вспомнить. Пусть я не могу посылать людям откровения, но от этого моя любовь к ним не пострадала. Почему же я забыл такую простую вещь? — Хитокотонуси опустил взгляд своих глаз, наполненных состраданием. — Даже если молчу, вера в то, что я рядом, придаёт людям сил... я должен быть для людей именно таким созданием. Я связал себя титулом бога изречений и едва не забыл о том, что так важно для меня.

Низкий, глубокий голос Хитокотонуси эхом раздавался вокруг них.

— Но ты вновь показал мне, какой силой могут обладать слова, сказанные с заботой о собеседнике, — Хитокотонуси положил руку на грудь. — Если подумать, то до сих пор я лишь посылал их людям, но не принимал в ответ. Насколько же честны, страстны, свежи и сильны слова твои. Сколько же силы они придают мне...

«Ведь бывает и такое, что слова придают кому-то сил, не так ли?»

Ёсихико вспомнилось то, что он слышал от бабушки в автобусе. Возможно, Хитокотонуси тоже хотел, чтобы кто-то подбодрил его словами. Хотел, чтобы кто-то уверил его, что он делает достаточно. И слова помогут ему, обессилившему и теряющему воспоминания, найти верный путь.

— Я буду и впредь слушать молитвы людей. Буду присматривать за ними. И пусть больше я ни на что не способен...

И Ёсихико, глядя в его доброе лицо и до сих пор до конца не понимая происходящего, почувствовал, что слова сами напросились наружу:

— Но и это тоже хорошо.

Благодарности людей нельзя оставлять без внимания.

Именно благодаря богам, которые так думают, люди и приходят в храмы.

Чтобы притронуться к тёплой доброте богов вроде Хитокотонуси.

— Тебе достаточно просто быть здесь.

Выслушав это, Хитокотонуси добродушно рассмеялся, и звуки его смеха распространились во все стороны. А затем он хлопнул в ладоши, и повсюду появились алые лепестки, словно порождённые смехом. Увидев цветочный ветер, Окё радостно протянула к нему руки, а Когане принялся изумлённо оглядываться по сторонам. Цветочный дождь нежно ласкал щёки.

Алые лепестки азалии окутали Хитокотонуси так же, как горы Кацураги весной, и он посмотрел в небеса.

— Как скажешь!

В эти яркие слова он вложил душу процветания.

Часть 5

— Пусть у моего дедушки пройдёт поясница, — с серьёзным видом помолилась девушка, которая и сегодня зашла в храм Хитокотонуси на пути домой из школы. — Стоит ему обо что-то задеть её, как сразу поднимает шум и крик. Это смешно выглядит, но мне жалко дедушку, ведь ему больно, а бабушка так ругает его за вопли. А, и пусть мама не найдёт папину заначку. Хотя, боюсь, скоро ей все же придёт в голову посмотреть, нет ли ничего между теми словарями.

Ёсихико и остальные сидели на ступенях молельни и с улыбкой смотрели на неё.

— И ещё, похоже, у Куросуке, той кошки, что часто к нам заходит... я дала ей мужскую кличку, но она самка, и, похоже, что у неё в животике котята. Пусть роды пройдут для неё хорошо. А ещё... — её слова уже давно превратились не в молитву, а просто в рассказ о житейских событиях. — А ещё... я недавно так сильно здесь плакала... мне было так горько, так грустно, я так расстроилась...

Девушка заговорила приглушённо. Несомненно, она имеет в виду события того самого дня, после которого Хитокотонуси заперся у себя в святилище.

— Но я уже в порядке. Не могу же я горевать вечно, правда?

Возможно, она достаточно сильна для таких слов, а может, это просто фасад, который она показывает остальным. Но как бы там ни было, она ничуть не дрогнула, произнося эти слова.

— ...Прости, что переполошила, — тихо добавила она, словно обращаясь к родственнику.

— Ты сильная девочка. Сильная и добрая, — произнёс Хитокотонуси со ступеней молельни,

слегка улыбаясь.

Ещё совсем недавно он предстал мужественным и внушительным богом, но теперь вернулся в обличье ребёнка. Пусть ему и удалось на время принять истинную форму, это не отменяло того, что сейчас он растерял значительную часть силы.

— Я буду здесь, я буду слушать, — обратился к девушке Хитокотонуси, заставив Ёсихико обратить на него внимание. — Я буду здесь, я буду смотреть.

Он говорил ей те самые слова, которые не смог сказать в тот самый день.

— Приходи в любое время.

Пусть голос бога и не должен был достичь её, девушка вдруг подняла голову и наострила уши, а затем на её лице расцвела улыбка.

— Мастер Ёсихико, не дадите ли взглянуть на молитвенник? — вдруг сказала Окё, провожавшая Ёсихико и Когане до лестницы, где кончалась территория храма.

— Но ведь я уже получил печать?..

Ёсихико почти забыл о молитвеннике, но Хитокотонуси-но-оками поставил в него красную печать в виде лепестков азалии. Судя по всему, именно такие печати подтверждают успешное выполнение заказа.

Окё взяла молитвенник из рук Ёсихико, открыла на странице с Хитокотонуси, а затем прикоснулась к ней пальцем. На странице появилась ещё одна красная печать, на сей раз в виде листьев гинкго.

— Я понимаю, что вам достаточно лишь печати владыки Хитокотонуси, но я хочу донести свою чувства, — Окё вернула молитвенник и низко поклонилась. — Я глубоко благодарна вам за вашу работу.

— Да ладно, главное, что я хоть кому-то помог...

Ёсихико посмотрел на две печати. Затем на них бросил взгляд и Когане.

— Я тоже должен был поставить печать самостоятельно, но ты!..

Похоже, он до сих пор обижен на то, что Ёсихико во сне макнул лисью лапу в красные чернила и поставил печать сам.

— Это потому, что сам ты её явно не поставил бы.

— Естественно! Эта печать — символ того, что бог доволен выполнением заказа. Мой заказ ты ещё не выполнил. И я не отстану от тебя, пока ты его не доделаешь, стоит там печать или нет!

— Что ты так упираешься?..

Ёсихико в любом случае не собирался выполнять заказ, включавший в себя пробуждение в людях Японии уважения к божественным фестивалям и навязывание им трепета и почтения к богам.

— Почему бы и нет? Наверняка вместе путешествовать по заказам приятнее, — с улыбкой проговорила Окё, наблюдавшая за их разговором.

Хитокотонуси остался у молельни и слушал рассказы прихожан. Ёсихико уже успел попрощаться с ним. Да что там, они даже сказали друг другу адреса электронной почты и свои аккаунты в игре.

— Госпожа Окё, — уже скоро приедет автобус, но Ёсихико не мог не разобраться с одной вещью до того, как спуститься по лестнице. — С вами... всё в порядке?

Окё в ответ удивлённо округлила глаза.

— Так значит, ты всё-таки заметил? — спросил уже начавший было спускаться Когане, и Ёсихико кивнул.

— Об этом говорилось и на табличке... к тому же у неё очень холодные руки.

Огромное дерево гинкго, растущее на территории храма. Оно огорожено бамбуковым забором, на котором закреплена табличка. А на ней написаны заключения осматривавших дерево арбористов [□] Специалисты по изучению деревьев, древоводы; от латинского «arbor» – «дерево»: дерево прогнило изнутри и может рухнуть.

— Арбористы даже назвали чудом то, что я ещё стою, — Окё шутливо пожала плечами. — Но я

в порядке. Пока со мной владыка Хитокотонуси, вряд ли я сгнию. Если он решит покинуть эту землю, то погибну не только я, но и все деревья, цветы и животные в округе. Но я сомневаюсь, что владыка желает этого.

— Э? Это его влияние?..

Ситуация оказалась куда серьезнее, чем предполагал Ёсихико, поэтому он не придумал, что ещё сказать. Это означало, что в силах Хитокотонуси совершить действие, которое может сильно затронуть жизнь людей.

— Уход бога означает, что землю покинет и солнечный свет, и вода, — пояснил слова Окё Когане. — Однако пусть Хитокотонуси-но-оками растерял часть силы и выглядит как ребёнок, он все ещё достоин называться богом земли Кацураги. Но если он исчезнет, вряд ли другим богам хватит сил спасти эту землю.

После этих слов Ёсихико невольно бросил взгляд на молельню. Наверняка Хитокотонуси оставался здесь именно потому, что знал о последствиях.

— Обязательно приходите ещё.

Окё помахала рукой, а Ёсихико уверенно кивнул в ответ:

— Конечно. Мы придём, когда вы будете в цвету, госпожа Окё.

Над головой раскинулся осенний небосвод — высокий и бесконечно голубой.

— Наконец-то ты вернулся.

По возвращению из храма Хитокотонуси, Ёсихико сразу же направился к храму Онуси. Там он встретился с Котаро, как раз закончившим службу и собиравшимся домой, и тот поздоровался с другом самым обычным образом. Тон Котаро совершенно не отличался от того, к которому привык Ёсихико.

— Я не знаю, куда ты пропадал, но ты уже не ребёнок, так что сообщай хотя бы своей семье.

Ёсихико неловко кивнул, пытаясь придумать, как перевести разговор в другое русло. Почему-то, когда смотришь собеседнику в лицо, подобрать нужные слова очень тяжело.

— Так-то я сказал им, что ты ночевал у меня, но в следующий раз предупреди меня. Хотя, по-

моему, твоя бабушка все равно нафантазировала, что ты нашёл себе девушку на ночь.

— ...Прости.

Хотя с самого начала Ёсихико собирался долго и обстоятельно объясняться, в конце концов он смог сказать лишь одно слово. Ему показалось, если он начнёт говорить о том, что играл с богом в компьютерные игры в святилище у подножья гор Кацураги, его сочтут ненормальным.

— С тобой всегда столько хлопот.

— Прости.

— Впрочем, я уже привык.

— Прости, — повторил Ёсихико, а затем посмотрел Котаро точно в глаза. — И прости за тот раз.

Котаро моргнул, не сразу поняв, о чем речь.

— Прости меня, Котаро... за то, что я сказал, что ни черта ты не понимаешь.

Ёсихико свесил голову. Ему казалось, что хотя бы эти слова он просто обязан произнести.

Котаро перевёл взгляд, словно ему пришла в голову мысль. Руки из карманов куртки, впрочем, не вынул.

— ...Кстати, об этом. Я тут подумал, и мне кажется, что либо я переборщил, либо ты меня не так понял...

— Не так?.. — Ёсихико удивлённо вскинул голову.

Котаро продолжил, тщательно выбирая слова:

— Когда я сказал, что тебе нужно лучше узнать самого себя, я пытался сделать комплимент.

— Комплимент?

— Да, а ты подумал, что как раз наоборот, да? — Котаро кисло улыбнулся и продолжил: — Наверное, мы с тобой оба слишком многого хотим. Может показаться, что я уверенно иду по жизни к успеху, но на самом деле я лишь иду по пути наследника храма — эта судьба была

уготована мне с рождения. Тебя швыряет во все стороны, зато ты волен сам выбирать, как тебе жить, согласен?

Слова Котаро немного удивили Ёсихико и заставили его вытаращить глаза. Он никогда не думал посмотреть на ситуацию с этой стороны. Неужели даже Котаро, который на первый взгляд ничуть не сомневался в своём жизненном пути, на самом деле задавался такими вопросами?

— Мы с тобой двигаемся в разных направлениях и по разным дорогам, поэтому ни за что не сможем полностью понять друг друга, но пытаться нам никто не мешает, — добавил Котаро и перевёл взгляд на Ёсихико. — Короче говоря, пошли поедим?

Затем Котаро улыбнулся и добавил:

— За мой счёт.

После небольшой паузы Ёсихико не выдержал и рассмеялся. Ему показалось, что груз на его сердце куда-то улетучился.

Сидевший рядом Когане помахал золотистым хвостом, протяжно вздохнул и повёл носом, почувствовав дуновение прохладного осеннего вечернего ветерка.